

Только четырёхэтажность тавтологии и даёт возможность в конечном счёте возвратиться к магическому аспекту. Недаром ты повторяешь «Отцы-пустынники и жёны непорочны».

Павел Улитин

ОТ АВТОРА

Я просыпаюсь по ночам и не понимаю, где я.

Потом вспоминаю: в чужой квартире в Цюрихе.

Или в чужой халупе в Базеле.

Или в чужом доме на окраине Триеста, на зелёном холме.

Или в Безансоне на чердаке.

Всегда — в чужом, всегда — чужой.

Сообразив это, я встаю и, спотыкаясь, иду в сортир.

Сортир — средоточие бытия человеческого.

Можно обойтись без кухни, но без сортира — никак.

Сортир — или полиция.

Мочиться на улице запрещено!

Какать — тем более!

Поэтому: сортир.

О, как там тесно и темно!

Я мочусь, не зажигая свет.

Я не хочу смотреть на свой член.

На эту прерывистую, бьющую в унитаз струю.

Я не хочу ничего видеть и ощущать.

Только спать, спать, спать.

Однако я забрызгал стульчак.

Вот пентюх!

Мне приходится включить свет.

Чтобы найти туалетную бумагу и обтереть унитаз.

Я нащупываю на кафельной стене выключатель:
трык!

Загорается омерзительный мертвенный свет.

И тут мой взгляд, несмотря на все мои старания,
влипает в висящее на стене зеркало.

Хлоп!

И что я вижу там?

ЧТО Я ВИЖУ ТАМ?!

А вот: жулика, который не поехал в Израиль на
похороны своей матери.

РАЗ.

Урода, который не поехал к ней, когда она год ле-
жала на смертном одре.

ДВА.

Субъекта, у которого тихий ужас в глазах.

ТРИ.

Типа, у которого прыщ на носу.

РАЗ.

Недоросля, который уважает только мертвецов,
а всех живых держит за подлецов.

ДВА.

Придурка, который не знает, что с ним будет через
месяц или два, когда ему придётся съехать из этого
гнусного жилья.

ТРИ.

Субчика, который хотел обходиться без душа
и сортира, но не смог.

РАЗ.

Хлюста, читавшего недавно стихи Бориса Слуцкого и думавшего: «Этот поэт был честен с собой хотя бы наполовину, хотя бы чуть-чуть, а я — нет».

ДВА.

Шаромыжника, который уже три года существует без паспорта.

ТРИ.

Папашу, чей сын порвал с ним всякие отношения.

РАЗ.

Ублюдка, который навалил всё бремя жизни на свою подругу, а сам не притрагивается к деньгам.

ДВА.

Прощельгу, который ест сыр и фрукты, которые его подруга ворует в магазинах, а он в это время стоит на улице.

ТРИ.

Пройдоху, который моет посуду после обеда, но оставляет грязной сковородку на плите.

РАЗ.

Афериста, который издаёт книжки в России, хотя давно оттуда сбежал.

ДВА.

Бегунка, который получает по почте свои авторские экземпляры (он заказывает всего два или три), но не может не только перечитывать эту писанину, но вообще смотреть на неё.

ТРИ.

И прячет экземпляры с глаз долой.

РАЗ.

Слабака, который никогда не достаёт в своих книжках до нужной глубины.

ДВА.

Штукаря, который всё время повторяет «я» вместо того, чтобы сказать себе: «Пошёл вон».

ТРИ.

Ёбаря, который смотрит порнуху на компьютере перед тем, как трахнуться.

РАЗ.

Бездаря, который хотел уйти из общества, но продолжает писать книжки, а это значит, что далеко он не ушёл, а просто торчит на пороге с протянутой рукой: «Почитайте меня, пожалуйста!»

ДВА.

Бздушника, у которого душа уходит в пятки при виде полицейского.

ТРИ.

Шибздика, который читает газеты, чтобы забыть о самом важном и неотложном, чего не найдёшь ни в какой газетчине.

РАЗ.

Пустобрёха, который пытается сформулировать нечто необходимое, но может повторять только: «Уйди, уйди!»

ДВА.

Молодчика, который в разное время воображал себя трикстером, анархистом, поэтом, бунтарём, клоуном, говнометателем, «художником из третьего мира»,

хулиганом, сквоттером, аристократом духа, плебе-ем, Вечным жидёнком, Иваном-дураком, скоморо-хом и профанатором, а на самом деле переживал, что остался без издателя.

ТРИ.

Гаврика, который скорбно созерцает обглоданные кости своего прошлого.

РАЗ.

Размазню, который читал «О нищете духом» Мей-стера Экхарта и мечтал стать нищим по-экхартовски, а через час возмечтал о сладком пирожке.

ДВА.

Ухаря, который бросался своими какашками в раз-ных европейских городах — кидал говно в людей, срал на пол в галереях, пачкал калом витрины, измазывал собственное тело и лицо — и всё это для того, чтобы оскорбить систему, но, вполне вероятно, втайне хотел получить признание тех самых людей, которых забра-сывал своим дерьмом.

ТРИ.

Впрочем, в этом я не уверен: вполне вероятно, что я на самом деле хотел порвать все социальные отно-шения и оказаться нигде, в пустоте, ни с кем, един-ственно со своей подругой, один.

Вот так!

Возможно, я не юлил, а был совершенно честен, когда забрасывал людей говном или яйцами.

Во всяком случае, это были мои лучшие миги на земле, не считая траханья.

А порнуху я смотрел, чтобы быть ближе к прама-
тери Лилит!

И, скорее всего, я правильно сделал, что не при-
ехал к умирающей матери.

Ведь единственное, что я мог сделать для неё —
сидеть рядом и держать за руку.

РАЗ.

Или подмывать её.

ДВА.

Или удушить подушкой, когда она спала.

ТРИ.

Но я предпочёл купаться в Цюрихском озере.

Потому что мне была невыносима мысль, что я буду
сидеть с умирающей, подмывать её, подушкой душить...

Кретин!

Я хотел, чтобы моя мать осталась у меня в памяти
молодой и красивой женщиной!

Урод!

И она, кстати, тоже этого хотела, о чём не раз го-
ворила мне!

Слюнтяй!

Моя бывшая жена, целых два года ухаживавшая за
моей матерью, позвонила и сообщила мне о её кончи-
не, когда я вылезал из озера.

И я подумал: «О, наконец!»

Подумал: «Свободна ты!»

Подумал: «Слава тебе, Господи!»

Подумал: «Славься во веки веков, монастырь Гос-
пода нашего Аполлона прекрасного!»

Вот!

Всё, чего я хотел по-настоящему: дать волю своей матери!

И себе!

Чтобы она улетела из этого мира, как воробей!

Как пчела!

Как лимонница!

Как ласточка!

Но я не умел, не знал, как ей это дать.

Я не знал даже, как добыть свободу для самого себя.

Я всегда только из тюрем убегал.

А на свободе не жил.

Я ничего не постиг, не открыл, не прозрел.

И поэтому мне нужно снова читать, вникать, смотреть, созерцать, переживать, страдать, воображать, сочинять, размышлять, вспоминать, формулировать.

Рифмы смыкать.

Ритмы искать.

Над собой хохотать.

Погружаться в тишину.

Слушать голоса.

Заниматься археологией.

Вглядываться в мифологию.

С мёртвыми говорить.

Чужие мысли передумывать.

Свой опыт переваривать.

Искать — и не находить.

Находить — и утрачивать.

Ох, много, много дел!

А покоя — нет.

ПРО ТО, КАК Я БЫЛ ФАШИСТИКОМ

1

— Вы — фашисты!

Так кричала моя мама, увидев, как мы с моим другом Лёкой Роденко отрываем головы муравьям.

Или мы их стравливали друг с другом?

Или мы их спичками поджигали?

Или это вообще были не муравьи, а гусеницы?

Страшно вспоминать.

2

Мама, конечно, была права.

Фашизм есть не что иное, как проявление наглой силы в отношении слабейшего.

Неважно, муравей это или человек.

Культ силы — это и есть фашизм.

Как сказал Элиас Канетти: «Все люди нацисты по отношению к зверям».

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ПРО ТО, КАК Я БЫЛ ФАШИСТИКОМ	15
ПРО ТО, КАК МНЕ СНИЛСЯ КЕНТАВР	45
ПРО ТО, КАК Я ЧИТАЛ И ПЕРЕЧИТЫВАЛ «КОШКИН ДОМ»	55
ПРО ТО, КАК ЦВЕТАЕВА УВЕЛА МЕНЯ ИЗ ЦЮРИХА	65
ПРО ТО, КАК Я ХОТЕЛ СТАТЬ ТО ЭТИМ, ТО ТЕМ	85
ПРО ТО, КАК ОДНИ ЛЮДИ ПОСЫЛАЮТ НА ХУЙ ДРУГИХ	99
ПРО ТО, КАК Я ЧИТАЛ ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ЗАБОЛОЦКОГО	109
ПРО ТО, КАК Я ЛЮБЛЮ КНИГУ Н. А. КУНА «ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ»	117
ПРО ТО, КАК Я ИСКАЛ ГЛАВНУЮ КНИГУ НА ЗЕМЛЕ	127
ПРО ТО, КАК Я НАШЁЛ САМУЮ ГЛАВНУЮ КНИГУ НА ЗЕМЛЕ	149
ПРО ТО, КАК МНЕ ЗАПОМНИЛСЯ ОДИН ДАВНИШНИЙ АРТЕФАКТ	171
ПРО ТО, КАК ИСКАЛ ОРФЕЯ КОНСТАНТИН ВАГИНОВ	179

ПРО ТО, КАК ЛИТЕРАТОРЫ ОКАЗАЛИСЬ	
АНТИПОДАМИ ОРФИКОВ	201
ПРО ТО, КАК КАФКА ВСЁ СКАЗАЛ В КРОШЕЧНОМ	
РАССКАЗИКЕ	213
ПРО ТО, КАК МОЁ СЕРДЦЕ, КАЖЕТСЯ, УМИРАЕТ	231
ПРО ТО, КАК МЫ ВСТРЕТИЛИ НАСТОЯЩУЮ ВЕДЬМУ . . .	237